

низовом уровне (в деревне), экспериментальной адаптации процедур совещательной демократии (в провинции Цинхай), расширении процедур демократических консультаций и многопартийного сотрудничества, увеличения численности и объемов работы общественных организаций в деле предоставления социальных услуг, а также включения в Конституцию КНР в 2004 г. положения о правах человека и защите частной собственности. Предполагается, что дальнейшее развитие специфического гражданского общества в Китае будет сохраняться при наличии баланса между партийным политическим контролем и постепенной демократизацией не политической, а общественной жизни, что в еще большей степени повысит возможности интеграции государственных и общественных институтов.

А. В. Старцев

Алтайский государственный университет

Полемика в российских правительственных кругах по «илийскому вопросу» в 70-х гг. XIX в.¹

История возникновения и разрешения «илийского» или «кульджинского» вопроса в отечественной историографии достаточно подробно рассматривалась в работах Б. П. Гуревича, А. Д. Воскресенского, Д. В. Дубровской, В. А. Моисеева². Используя многочи-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Центрально-Азиатский регион в системе внешних отношений России и Китая: история и современность», проект № 12-31-09012.

² Гуревич В. П. История «илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают (против фальсификации истории русско-китайских отношений). М., 1983. С. 423–459 ; Воскресенский А. Д. «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // И не распалась связь времен... : К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. М., 1993. С. 257–273 ; Он же. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995 ; Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна : Обретение Китаем «новой границы» в конце XIX в. М., 1998 ; Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.

сленные архивные документы, исследователи детально изучили факты непростых событий, развернувшихся в Синьцзяне и приграничных регионах Российской империи в 60–80-х гг. XIX в.: историю временного занятия русскими войсками Илийского края, причины заключения и содержание Ливадийского (1879) и Санкт-Петербургского (1881) договоров, заключенных между Российской и Цинской империями, и т. д.

Тем не менее, остается ряд вопросов, которые требуют дальнейшего исследования. В частности, это обусловлено тем, что в современной китайской историографии указанные события по-прежнему освещаются однобоко, тенденциозно и необоснованно политизируются. Как отмечает известный российский китаевед Ю. М. Галенович, «термины “агрессия” России против Синьцзяна, “вторжение” армии России в Синьцзян не только не отражают реалий своего времени, но и представляются намеренно введенными в оборот в начале XXI в. с тем, чтобы настраивать население ханьской части Китая против нашей страны»³.

В современных условиях развития экономических, политических и культурных связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, установления отношений стратегического партнерства, такая позиция части китайских историков представляется анахронизмом, не говоря уже о том, что она противоречит основополагающим принципам исторического познания — историзма и объективности.

В связи со сложностью и многоаспектностью проблемы рассмотрим только один сюжет, освещающий полемику в российских политических и военных кругах по вопросу возвращения Россией Илийского края, а точнее, его целесообразность, условия и последствия.

Прежде всего, следует отметить, что принимая решение о занятии Илийского края, правительство рассматривало этот шаг как вынужденную и временную меру, а само решение было принято лишь после многочисленных просьб со стороны Китая⁴. К началу 70-х гг.

---

³ Галенович Ю. М. История взаимоотношений России и Китая : в 4 кн. М., 2011. Кн. 1. Две нации — две трансформации (XVII — начало XX в.); Кн. 2. Два государства — три партии (1917–1948 гг.). С. 187.

⁴ Подробнее см.: Гуревич В. П. История «илийского вопроса»... С. 428–430.

ХІХ в. «постоянная враждебность Кульджинского правительства, вышедшая, наконец, из пределов терпимости, стеснение им нашей торговли и допущение со стороны его подданных грабежей и баранты в нашей пограничной полосе»⁵ привели к тому, что 22 июня 1871 г. русские войска под командованием генерал-лейтенанта Г. А. Колпаковского заняли Кульджинский район.

По оценкам заведующего канцелярией военного губернатора Семиреченской области по Кульджинским делам Н. Н. Пантусова, «власть русская в долине Или имеет характер наблюдательный и имеет значение посредствующего между народностями начала. Ограничиваясь подрывом всего вредного для русского и китайского государственного начала, она воздерживается от положительных мероприятий и нововведений, на которые не дает права ни малоизвестность страны, ни неопределенность ее отношений к Русскому государству»⁶.

Илийский край был временно включен в состав Туркестанского генерал-губернаторства и подчинен военному губернатору Семиреченской области Г. А. Колпаковскому. В административном отношении он был поделен на четыре административных участка во главе с русскими участковыми начальниками (третий и четвертый участки были упразднены, соответственно, в 1874 и 1876 гг.). Вместо существовавших многочисленных налогов был установлен единый трехрублевый налог с семьи, запрещены рабство и работорговля, жестко пресекалось воровство. Сознвая временный характер владения краем, русские власти, тем не менее, уделяли внимание развитию экономики: строили дороги, мосты, открывали фельдшерские пункты, школы, заботились о развитии торговли и т. д.⁷

Таким образом, русский военный контингент являлся стабилизирующим фактором в Кульджинском крае, и при фактическом отсутствии цинской власти выполнял в регионе административные, полицейские и хозяйственные функции. Одновременно с этим во властных кругах не прекращалась полемика о его дальнейшей судьбе и позиции России после возвращения сюда китайской администрации.

---

⁵ Пантусов Н. Н. Сведения о Кульджинском районе за 1871–1877 годы. Казань, 1881. С. 1.

⁶ Там же. С. 2.

⁷ См. подробнее: Моисеев В. А. Указ. соч. С. 128–131.

Заинтересованное в развитии торговли как приоритетном направлении политики России в Китае⁸, правительство неоднократно выражало свою озабоченность бездействием цинских властей в урегулировании ситуации в Синьцзяне. В телеграмме министра иностранных дел России российскому посланнику в Пекине от 28 марта 1873 г. поручалось указать китайским министрам «... всю несостоятельность мер, предпринятых ими для подавления восстания, медленность и крайнюю незначительность действий китайских властей... последствия которых крайне вредно оказываются как на наших пограничных делах, так и на торговых»⁹.

В условиях бездействия цинских властей в плане защиты русских торговцев в Синьцзяне и прилегающих районах российское правительство пошло на переговоры с владыкой Йэцтишара Якуб-беком. После долгих проволочек руководителем посольства бароном А. В. Каульбарсом в 1872 г. был подписан торговый договор, который, «хотя и не соблюдался строго правителем страны, но все же принес некоторое облегчение нашим торговцам»¹⁰.

К декабрю 1877 г. после ряда удачных операций китайские войска под командованием генерал-губернатора провинций Шэньси и Ганьсу Цзо-Цзунтана восстановили власть династии Цин в Синьцзяне за исключением Илийского округа. В этой связи полемика о дальнейшей судьбе края в контексте стратегии взаимоотношений России с Цинской империей приобрела особую актуальность.

Суть этой полемики ярко отражает записка российского посланника в Пекине Е. К. Бюцова, написанная в ноябре 1878 г., копия которой хранится в Российском государственном военно-историческом архиве¹¹. В ней опытный дипломат подробно осветил аргументы сторонников и противников присоединения Кульджи к России и высказал

---

⁸ См.: *Хахлов А. Н.* Торговля — приоритетное направление политики России в отношении цинского Китая // *И не распалась связь времен...* : К 100-летию со дня рождения П. Е. Скачкова. М., 1993. С. 197–229.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 447. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

¹⁰ *Куропаткин А. Н.* Кашгария : Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 50.

¹¹ РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–24 об.

свои соображения, отрицавшие необходимость жесткого решения «кульджинского вопроса».

Возражая своим оппонентам, указывавшим на важность Илийского края для стратегических интересов России в Средней Азии и ущерб, который «...был бы нанесен нашему обаянию в среде подвластного нам азиатского населения и в глазах среднеазиатских соседей наших отдачей занятой нами территории», дипломат считал, что «при этих соображениях теряются из виду интересы, находящиеся в связи с политическими и торговыми сношениями нашими с Китаем».

Исключая возможность поражения России в случае военного столкновения, Е. К. Бюцов выражал уверенность, что «китайскому правительству нет надобности объявлять нам войну, чтобы нанести ущерб нашим интересам и поставить нас в затруднительное положение. Оно могло бы прервать сношения с нами и остановить нашу торговлю в Китае и Монголии». А все попытки «образумить китайское правительство» военной силой, заняв территорию Синьцзяна и Монголии, по мнению дипломата, «кроме обременений разного рода, ничего не принесут нам».

Е. К. Бюцов указывал, что отказ вернуть Кульджу китайцам будет «иметь результатом совершенное отчуждение от нас государства, враждебное соседство которого, при подчинении его враждебным нам влияниям, могло бы со временем быть невыгодным для нас, в особенности в случае усложнений в Средней Азии».

Он считал, что в сложившейся ситуации из двух зол следовало выбирать меньшее, и предлагал руководствоваться не сиюминутными интересами, а соображениями стратегического характера: «Что же касается того, что при отступлении от Кульджи на прежнюю степную границу мы вынуждены будем отвлечь на охрану последней силы, более необходимые в Средней Азии, — писал он в заключение своей записки, — то можно заметить, что при враждебном к нам настроении китайцев мы будем поставлены в необходимость содержать не менее значительные силы и в такой сильной позиции как Кульджинский край, в чем уже теперь явилась потребность. Вернее будет предположить, что при мирных отношениях к Китаю даже открытая граница потребует от нас меньших военных предосторожностей, чем те,

которые необходимы для укрепленного природою Илийского края при враждебном отношении китайцев... Наконец, что касается ущерба, который может быть нанесен нашему обаянию в Средней Азии уступкою Кульджи, то остается еще взвесить, что может более отозваться на наших интересах и что потребует от нас более обременительных мер предосторожности — этот ли ущерб или последствия натянутых отношений с Китаем?»

Приведенные рассуждения посланника свидетельствуют о том, что в российском правительстве характер отношений с Китаем анализировался очень внимательно и всесторонне. Чиновники, дипломаты, военные стремились разработать такой алгоритм российско-китайских взаимоотношений, в рамках которого максимально учитывались бы интересы сторон и не происходило бы конфликтов, грозящих нарушить равновесие между ними. Если учесть, что интересы и цели Российской и Цинской империй не совпадали, то эти задачи решались в рамках формирующейся системы, которая в современной науке получила название «многофакторного равновесия»¹². По мнению А. Д. Воскресенского, стабильность российско-китайских взаимоотношений на протяжении длительного времени была обусловлена «главным образом благодаря наличию буферных зон, где официальная граница могла меняться в соответствии с меняющимся соотношением объективных факторов, что отражалось как в подвижности границ (как компоненте геополитического фактора), так и в меняющемся соотношении государственного и общественного компонентов национальных интересов (субъективные факторы)»¹³.

В марте 1879 г. было созвано особое совещание под председательством военного министра Д. А. Милютина, которое постановило не ставить китайцам «слишком обременительных условий, которые равносильны были бы отказу», но одновременно с этим

---

¹² О концепции «многофакторного равновесия» подробнее см.: *Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений*. М., 1999 ; *Он же. Китай и Россия в Евразии : Историческая динамика политических взаимовлияний*. М., 2004.

¹³ *Воскресенский А. Д. Россия и Китай в Евразии...* С. 425.

«предъявить им такие условия, которые доставили бы нашей торговле преимущества»¹⁴.

Иными словами, политика России не содержала в себе экспансионистских планов, о которых до сих пор говорится в работах китайских историков, и осуществлялась в рамках системы «статус-кво», лежавшей в основе международных отношений в рассматриваемый период¹⁵.

---

¹⁴ Цит. по: *Воскресенский А. Д.* «Илийский кризис» и русско-китайский Ливадийский договор... С. 265.

¹⁵ В теории и практике международных отношений понятие «статус-кво» (существующее положение) означает определенный тип политики, характерный для XIX — начала XX в. Для сохранения статус-кво необходимо, чтобы государство, стремящееся к переменам в международном положении, имело возможность заранее оценить размеры своих возможных потерь от нарушения мира. С этой точки зрения, военные демонстрации не только не осуждались морально, но, напротив, считались нравственным средством удержать агрессора от выступления. Для дипломатии «статус-кво» военная сила не относилась к числу решающих аргументов. Как отмечается в работах по теории международных отношений, «задача виделась не в нанесении удара, а в навязывании оппоненту “амортизирующих” согласований, в ходе которых имелось в виду подвести его к пониманию неприемлемости войны для него самого, с одной стороны, и возможности компромисса — с другой». См.: *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане: История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. (1945–1995). М., 1997. С. 27.